

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ

УДК 330.3

А. Н. Лякин

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА ПОСЛЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ: ВРЕМЕННОЕ ЗАМЕДЛЕНИЕ ИЛИ НОВАЯ ТРАЕКТОРИЯ РОСТА

1. Введение

Быстрое восстановление российской экономики из нижней точки спада, достигнутой к лету 2009 г., не привело после выхода на точку предкризисного максимума к возвращению на прежнюю траекторию роста. Более того, с этого момента его темпы начали замедляться, и в первом квартале 2013 г. экономика почти остановилась. Все менее оптимистичными становятся прогнозы. В 2000-е годы динамика ВВП обеспечивалась расширением потребительского спроса и розничной торговли, с одной стороны, и ростом инвестиций на фоне возрастающей загрузки производственных мощностей, с другой. Сейчас эти факторы перестали быть двигателями роста. В отличие от событий пятилетней давности, когда вызвавшим спад производства импульсом стало резкое снижение цен на нефть, сейчас конъюнктура мирового углеводородного рынка остается благоприятной для российской экономики. За 2012–2013 гг. цена нефти сорта «Юралс» только один раз (в июне 2012 г.) опускалась ниже отметки 100 долл. С 2010 по 2012 г. бюджет Российской Федерации остается сбалансированным.

Экономика находится в состоянии стагнации, при этом занятость демонстрирует беспрецедентно высокие уровни — в последнем квартале 2012 г. безработица составила 5,1%, а доля занятых в общей численности населения в трудоспособном возрасте в первом квартале 2013 г. была 64,4% [1]. С учетом возросшего притока трудовых мигрантов уровень занятости свидетельствует скорее об экономическом буме, нежели рецессии. Низкая загрузка производственных мощностей в большинстве секторов сопровождается замедлением инвестиций в основной капитал. Карти-

Александр Николаевич ЛЯКИН — д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и экономической политики экономического факультета СПбГУ. В 1980 г. окончил экономический факультет ЛГУ. В 1984 г. защитил кандидатскую, в 2003 — докторскую диссертации. Научные интересы: корпоративное управление, приватизация, государственное регулирование и экономическая политика. Автор более 80 научных работ, в том числе одной монографии и 2 учебных пособий (в соавторстве); e-mail: etep@econ.pu.ru

© А. Н. Лякин, 2013

ну дополняет замедление темпов роста потребительского спроса и оборота розничной торговли. Российская экономика останавливается.

Замедление экономической динамики получает различные варианты объяснений. Первое из них связывает стагнацию в российской экономике с фундаментальными долговременными тенденциями, обусловленными снижением факторной производительности вследствие исчерпания преимуществ догоняющего развития. Уже в период активной фазы кризиса (2009–2010) появились работы, выражающие сомнение в возможности восстановления модели роста, действовавшей в предшествующий период [2–4]. Нарастающей турбулентностью мирового хозяйства, обусловленной наложением циклов различной продолжительности друг на друга, объясняет замедление роста мировой экономики в целом С. Ю. Румянцева [5]. Р. М. Нуреев выводит проблемы сегодняшнего экономического роста России из институциональных ограничений, препятствующих предпринимательской активности, и устойчивости неэффективных институтов, что проявляется в эффекте колеи [6]. Новая экономическая динамика требует своего объяснения. О необходимости модернизации институтов как условия долгосрочного устойчивого роста пишет Л. М. Григорьев [7]. В статье Е. Т. Гурвича [8] сценарии с низкими темпами роста российской экономики строятся исходя из груза нерешенных проблем предшествующего развития, а попытки искусственного разогрева экономики рассматриваются как угрозы сбалансированному росту.

Феномен резкого падения темпов роста и перехода к стагнации при приближении к уровню богатых стран после предшествовавшего ему некоторого периода ускоренного развития получил в литературе название «ловушка среднего дохода». В настоящее время он активно исследуется, прежде всего с целью сопоставления латиноамериканских и азиатских моделей развития [9; 10]. Удорожание факторов производства происходит по мере увеличения богатства страны и вместе с исчерпанием резервов ведет к снижению конкурентоспособности национального производства. В этих условиях для восстановления темпов роста необходим поиск его новых движущих сил, и, как правило, ускорение экономики для последовательного сокращения дистанции с развитыми странами требует проведения институциональных реформ.

В зависимости от выбора объяснений причин текущего зстоя радикально меняются меры экономической политики или как минимум их последовательность и соотношение. Если текущая стагнация свидетельствует о попадании России в ловушку среднего дохода, то попытки искусственно стимулировать ускорение в препятствующей этому институциональной среде приведут к бесполезной растрате ресурсов и нарушению сбалансированности хозяйства. Замедление стало реакцией экономики на рестрикционную бюджетную и денежно-кредитную политику, оно носит «рукотворный» характер и требует соответствующих корректив в деятельности экономических властей.

В настоящей статье рассматриваются существующие в литературе объяснения природы ловушки среднего дохода и решается вопрос о том, насколько текущее замедление экономического роста в российской экономике определяется ограничениями в совокупной факторной производительности, либо оно имеет в своей основе конъюнктурные причины, зависящие, в известной мере, от проводимой экономической политики.

2. Природа ловушки среднего дохода

Российская экономика в ходе быстрого роста 2000-х годов подошла к нижней границе развитых стран по уровню ВВП на душу населения. Этот порог часто становится ограничителем в экономическом росте, и страны догоняющего развития, приблизившись к нему, не могут перешагнуть через барьер, отделяющий их от богатых стран. Практика роста государств, осуществляющих догоняющее развитие, неоднократно подтверждала существование этой проблемы. Прежде всего, это характерно для Латинской Америки, большинство экономик которой относилось к среднеразвитым еще в позапрошлом столетии. Россия дважды в своей истории вплотную подходила к этому барьеру — в начале XX столетия и в его конце. В обоих случаях социальные революции и сопровождающие их масштабные трансформационные спады отбрасывали ее назад.

Идея о существовании границы, подходя к которой замедляются темпы роста догоняющей страны, была высказана А. Гершенкроном еще в 60-е годы прошлого столетия. Исчерпание возможности роста он связывал с ограниченной производительностью факторов производства, ранее обеспечивавших быстрый рост за счет заимствования технологий, которые могут быть восприняты при невысоких стартовых уровнях. При достижении определенного уровня дохода дальнейший рост возможен за счет роста квалификации и образования, собственных исследований и разработок и т. д. На этом этапе догоняющий рост резко замедляется [11].

Количественная граница среднего уровня, после достижения которой начинается торможение, оценивается по-разному. Так, в работе Б. Айхенгрин, Д. Парка, К. Шина [12] критический уровень ВВП на душу населения в международных долларах 2005 г. определен в объеме 17 тыс. долл. при достижении занятости в обрабатывающей промышленности 23% и соотношении ВВП на душу населения догоняющей страны к стране-лидеру в 57%. Сами авторы отмечают в заключение, что «нет никакого железного закона замедления темпов роста. Вряд ли может существовать механическая связь между доходом на душу населения и замедлением роста. Как долго успешно поддерживается быстрый рост, зависит также от экономической политики. Экономике, которые в большей степени открыты для торговли, кажется, способны поддерживать высокие темпы роста дольше...» [12, р. 83]. Те же авторы годом позже выделяют уже несколько уровней дохода, при которых экономика буксует. Замедление происходит не перед одним барьером, переход через который дает возможность устойчиво расти, а в двух диапазонах: 10–11 тыс. долл. по ППС 2005 г. и 15–16 тыс. долл. Соответственно, ловушка среднего дохода может замедлять темпы не в единственном узком диапазоне по мере приближения к некоторому уровню, после которого страна становится развитой, а шаг за шагом в интервале среднего дохода. Ш. Айяр, Р. Дюваль, Д. Пью, Ю. Ву, и Л. Чжан [14, р.12] определяют страны среднего дохода в пределах от 2000 долл. ВВП на душу населения по ППС в ценах 2005 г. до 15 000 долл. нижней границы развитых стран. По их оценке, аномальное замедление темпов экономического роста в странах, попадающих в этот интервал, происходит непропорционально чаще, чем в целом по совокупности стран, данные по которым использовались для сравнительного анализа. По действующей в настоящее время классификации Мирового банка к странам с низким доходом относятся те, чей годовой национальный доход на душу населения по ППС меньше или равен

1005 долл. (22 страны по оценке 2010 г.); с доходом ниже среднего — те, у кого он лежит в интервале от 1006 до 3975 долл. (38 стран); с доходом выше среднего — от 3976 до 12 275 долл. (40 стран), а начиная с 12 276 долл. национального дохода на душу населения идут богатые страны (46) [15]. На использовании этой классификации построена работа Дж. Фелипе, У. Кумара, А. Авдона [16], в которой проводятся группировки стран по уровню развития, времени прохождения различных стадий, выделяются те, которые преодолели ловушку среднего дохода и находятся в ней в настоящее время.

Примеры различий в критериях отнесения стран к группам бедных, среднего дохода и богатых можно было бы продолжать, но здесь важно другое. При незначительных расхождениях в определении количественных границ во всех работах, посвященных ловушке среднего дохода, обращается внимание на то, что феномен остановки роста и длительного снижения темпов по отношению к предшествующему периоду относительно чаще встречается в странах, близких к тому, чтобы попасть в группу богатых стран, нежели у богатых наций, и стран бедных, чей ВВП на душу населения ниже среднемирового.

Природу ловушки среднего дохода связывают с исчерпанием дополнительных возможностей, возникающих в ходе догоняющего развития, которые обеспечивают повышенную производительность относительно дешевых факторов производства, создающих конкурентные преимущества национальной экономике вплоть до достижения среднего уровня дохода. При отсутствии качественных институтов, создающих благоприятные условия для развития, высококвалифицированной рабочей силы, инновационной среды, среднего класса, генерирующего спрос на продукцию высокотехнологичных производств, на границе, отделяющей развитые страны от среднеразвитых экономик, темпы роста последних резко замедляются. Изменение относительной ценности факторов производства и исчерпание повышенной производительности факторов на основе заимствованных технологий ведут к исчезновению драйверов роста и замедлению всех процессов, что связано с серьезными проблемами адаптации к новым экономическим условиям. В разных работах внимание в большей степени акцентируется на различных причинах из перечисленных выше, но перечень причин в целом совпадает.

На диверсификацию экономической структуры, при наличии квалифицированных высокооплачиваемых работников, как на условие устойчивого роста среднеразвитой экономики Д. Родрик указывал еще в 1993 г. [17]. А. Янковска, А. Надженгаст, Дж. Переа [9] выделяют в качестве ключевого фактора замедления роста латиноамериканских стран низкую диверсификацию экспорта и отсутствие набора экспортно-ориентированных отраслей высокой стадии переработки, формирующих кластеры в национальной экономике, что отличает их от южно-азиатских тигров. На диверсификации экспорта как параметра, позволяющего преодолеть ловушку среднего дохода, делается акцент и в работе В. Трана [18]. В свою очередь, для достижения этой цели предлагается знакомый из российских программ набор мер, направленных на повышение инновационной активности экономики, образовательного потенциала и институциональных условий для расширения частного сектора. В уже упоминавшихся выше статьях Б. Айхенгрин, Д. Парка, К. Шина основной рекомендацией для избегания ловушки среднего дохода является диверсификация экспорта. Авторы отмечают, что «замедление реже происходит в тех странах, где население имеет от-

носителем высокий уровень образования и где высокотехнологичная продукция составляет относительно большую долю экспорта» [13, р. 2].

Д. Асемоглу и Дж. Робинсон, рассматривая долгосрочные условия роста, пришли к выводу о приоритетном влиянии качества институтов на его устойчивость в длительном периоде [19; 20]. Различные аспекты институциональных причин попадания в ловушку среднего дохода рассматриваются практически во всех работах, посвященных этой проблеме. Л. Чжан, Х. Йи, Р. Ло, Ч. Лю, Р. Скот [10] в качестве причины замедления рассматривают социальное неравенство, ограничивающее возможности формирования человеческого капитала и создания условий перехода к инновационному развитию. Сопоставляя опыт Южной Кореи, Мексики и Китая, авторы утверждают, что у Китая, лишь недавно перешедшего в группу стран с доходом выше среднего, угроза попадания в ловушку среднего дохода нарастает по мере роста дохода, и призывают китайское руководство безотлагательно заняться решением социальных проблем для обеспечения устойчивости роста. Слабость национальной валюты, как ограничитель развития внутреннего рынка и перемещения вверх по технологической лестнице, выделяется в работе Б. Айхенгрин и др. Эти же авторы приходят к интересному выводу о том, что «политические перемены в целом (как положительные, так и отрицательные) не имеют значимой связи с вероятностью спада. Но когда были выделены положительные и отрицательные изменения¹, позитивные изменения значительно увеличивают вероятность спада в одной из наших двух спецификаций» [13, р. 7]. Полученный результат авторы объясняют ростом трудовых конфликтов в ходе демократизации.

В статье [14, р. 17] для оценки влияния институтов на вероятность попадания в ловушку среднего дохода использовались переменные, взятые из индекса экономической свободы. Воздействие индекса *верховенства закона* на вероятность попадания в ловушку среднего дохода оказалось значимым на однопроцентном уровне: «Хорошие правовые системы, обеспечение исполнения контрактов и имущественных прав в значительной степени связаны с уменьшением вероятности замедления темпов роста». Также значимыми для уменьшения вероятности снижения темпов роста оказываются размер правительства и дерегулирование рынков товаров, труда, капитала.

Исследования по проблемам ловушки среднего дохода заметно активизируются в последнее время, что неудивительно. Сам термин был предложен в работе [21]. С одной стороны, кризис 2008–2009 гг. и последовавшая за ним затянувшаяся стагнация потребовали осмысления причин смены темпов роста; с другой — поддерживающийся рост Китая, что в заметной степени определяет и рост мировой экономики в целом, ставит вопрос о том, как долго это будет продолжаться и какие сценарии замедления здесь возможны. Из 39 индексированных в базе данных RePEc [22] статей, в которых рассматривается проблема ловушки среднего дохода, азиатским экономикам посвящено 19 статей, в том числе оценке возможностей Китая избежать замедления роста — 12, сравнительному анализу роста азиатской и латиноамериканской экономик — 4, наконец, межстрановым сопоставлениям в поиске ответа на вопрос о том, какие детерминанты определяют вероятности резкого сокращения темпов роста, — 15. Только в одной статье, посвященной эффективности национальных инновационных систем стран БРИК, специально рассматривается

¹ Положительные — движение от автократии к демократии, отрицательные — наоборот (*примеч. автора.* — А. Л.).

российская экономика, хотя и в специальном и узком аспекте [23]. Теоретических работ, посвященных именно российской экономике в свете соответствующей проблематики, нет. Есть лишь ряд статей в деловой прессе [24; 25].

3. Попала ли Россия в ловушку среднего дохода?

В пользу этой гипотезы говорит ряд характеристик текущего состояния экономики Российской Федерации, в значительной степени совпадающих с предпосылками, увеличивающими вероятность попадания в ловушку. Помимо совпадения чисто формальных количественных параметров (подушевой ВВП России по паритету покупательной способности соответствует тем значениям, при которых возрастает вероятность замедления экономического роста), о том же свидетельствуют данные о характере посткризисного экономического роста. Ситуация очень похожа на классическое описание ловушки среднего дохода, приводимое Б. Айхенгрином и др. [13] — период ускоренного роста сменяется затуханием, экономика останавливается на пороге клуба развитых стран, замедляется рост производительности факторов производства, сокращается доля инвестиций в ВВП, за счет старения населения усиливается нагрузка на занятую часть населения.

Если диагноз поставлен правильно и торможение роста обусловлено ресурсными ограничениями, которые накладываются на экономику исчерпанием возможностей развития в рамках доступных технологий, человеческого потенциала и действующей институциональной среды, то попытки искусственного стимулирования ускорения роста чреваты нарушением сбалансированности экономической системы и финансовой нестабильностью. Применительно к российской экономике ситуация усугубляется зависимостью от мировых цен на углеводороды, монопродуктовой структурой экспорта, возросшими за период быстрого роста социальными обязательствами государства, выполнение которых в значительной степени связано с состоянием внешней конъюнктуры.

Для того чтобы понять, насколько складывающаяся ситуация соответствует признакам торможения быстрорастущей экономики на подступах к границам высокого уровня дохода, следует рассмотреть период быстрого роста в предкризисное десятилетие (табл. 1).

Таблица 1. Рост российской экономики и изменение ее места относительно стран мира по среднему душевому валовому национальному доходу, рассчитанному по ППС (2003–2012 гг.)

Показатели	Годы										
	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	
Место РФ среди 215 стран по ВНД по ППС	60	60	57	54	53	46	48	43	40	40	
Соотношение ВНД РФ по ППС и среднемирового	1,16	1,22	1,31	1,52	1,60	1,86	1,77	1,82	1,87	1,87	
Доля среднедушевого ВНД РФ по ППС в средневзвешенном по странам ОЭСР, %	34	36	39	46	49	58	57	59	61	62	
Индекс прироста реального ВВП РФ к предшествующему году, %	7,3	7,2	6,4	8,2	8,5	5,2	-7,8	4,5	4,3	3,4	

Рассчитано по: [30; 31].

Как видно из табл. 1, характер роста российской экономики в мировом контексте выглядит иначе, нежели рассматриваемый сам по себе. Нетрудно заметить, что период наиболее высоких темпов роста (2003–2007 гг.) сопровождается незначительным изменением места России среди стран мира по национальному доходу на душу населения, но увеличивает его относительно среднемирового национального дохода на душу населения, в то время как в кризисный и посткризисный периоды при неизменном соотношении российского и мирового валового дохода Россия перемещается на 8 позиций с 48-го на 40-е место по подушевому национальному доходу. В этот же период продолжается сокращение отставания от среднего по странам ОЭСР подушевого ВНД, хотя и не такими быстрыми темпами, как в предшествующее четырехлетие. Это свидетельствует о том, что российская экономика замедляется в меньшей степени, чем страны, близкие по уровню экономического развития. Соответственно, текущее торможение экономического роста является не столько особенностью России, сколько проявлением общего состояния мировой конъюнктуры.

Если рассматривать динамику российской экономики на более длительном временном интервале, то ее быстрый рост в 2000-е годы объясняется глубиной предшествующего падения и в значительной степени носил восстановительный характер (табл. 2).

Таблица 2. Динамика ряда макроэкономических показателей российской экономики (1989–2012 гг.)

Показатели, %	Годы	1994	1998	2004	2008	2012	Среднегодовой темп роста		
							1989–2012	1989–2008	2008–2012
Индекс роста реального ВВП (1989 г. — 100%)		62,8	55,7	82,3	108,2	114,1	0,57	0,42	0,96
Индекс промышленного производства (1989 г. — 100%)		50,72	42,99	58,30	76,07	82,52	-0,82	-1,19	1,32
Индекс роста валовых инвестиций в постоянных ценах (1989 г. — 100%)		35,71	19,99	39,81	69,16	68,52	-1,63	-1,92	-0,23
Доля инвестиций в ВВП		25,54	13,52	21,84	28,87	24,31	—	—	—
Степень износа основных фондов на конец отчетного года		41,3	41,6	43,5	45,3	47,9*	—	—	—

* Данные за 2011 г.

Рассчитано по: [32; 33].

Быстрый рост в 2000-е годы был связан с восстановлением объемов выпуска, утраченных в ходе трансформационного спада. Наличие неиспользованных производственных мощностей, квалифицированной рабочей силы, научно-технических заделов позволяло расширять производство при относительно низких инвестициях, перемещать значительные объемы рабочей силы в новые сектора, такие как торговля и строительство, увеличивая факторную производительность за счет эффекта масштаба.

Эта особенность роста без инвестиций, за счет увеличения совокупной факторной производительности отмечалась авторами доклада Международного валютного

фонда по анализу факторов роста российской экономики. «Согласно традиционному учету факторов экономического роста, приблизительно 86 процентов роста в России в 2001–2011 годы объяснялось ростом совокупной факторной производительности... Этот уровень вклада СФП необычно высок, но при этом в этот период у России были возможности технологического наверстывания без особого труда. Вклад СФП в рост ВВП был еще более значительным в период между 2001 и 2008 годами, а это значит, что инвестиции в этот период были едва ли достаточными для амортизации основного капитала» [26, с.7]. Более того, авторы доклада полагают, что резервы эффективности использования основного капитала в российской экономике не исчерпаны и позволят обеспечивать рост в ближайшее десятилетие при умеренных инвестициях.

Благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура позволила быстро восстановить конечные доходы и потребительский спрос. В результате оборот розничной торговли с 1990 по 2012 г. вырос в 2,8 раза, численность занятых в этой сфере за этот же период — более чем в два раза. По построенной жилой площади Российская Федерация начиная с 2011 г. превысила советский годовой максимум объемов жилищного строительства. Стремительно расширяется сфера услуг. В то же время отрасли, определяющие перспективы экономического развития страны, на протяжении всего периода быстрого роста продолжали терять позиции.

Говорить о ловушке среднего дохода для российской экономики имеет смысл, прежде всего, применительно к замедлению темпов экономического роста позднесоветского периода, когда действовавшая система директивно планируемой экономики оказалась неспособной добиться производительности, сопоставимой с развитыми странами. Потеря эффективности в сочетании с торможением научно-технического прогресса, нараставшая со второй половины 1970-х годов, вела к утрате конкурентоспособности, увеличению разрыва с развитыми странами, а в конечном счете повлекла за собой катастрофическую разбалансированность народного хозяйства в перестроечный период.

Отказ от директивного планирования и переход к капиталистической организации хозяйственной деятельности не привели к ускорению развития и решению тех проблем, которые стали причиной банкротства советской хозяйственной модели. Формирование институтов капиталистического хозяйства, так же как в свое время советского, потребовало сознательной работы со стороны государства по их импорту, адаптации, выращиванию. Открытая рыночная конкуренция при отсутствии защиты национального рынка и навыков существования в конкурентной среде у самих предприятий привела к серьезным потерям в отраслях с высокой добавленной стоимостью и наукоемкой продукцией. Именно они оказались наиболее чувствительны к разрыву кооперационных связей, сокращению бюджетного финансирования и государственных закупок.

Наибольшие потери понесли отрасли, определяющие перспективные направления в промышленности развитых стран, — приборостроение, электронная промышленность, машиностроение, фармацевтическая промышленность. Гражданское авиостроение после двадцати лет стагнации только сейчас пытается вернуться на мировые рынки, автомобилестроение сводится к сборке иностранных машин для внутреннего потребления. С 1990 по 2008 г. (предкризисный год) производство подшипников качения в российской промышленности сократилось в 7 раз (это показатель, который

комплексно характеризует состояние российского машиностроения), металлорежущих станков — в 15 раз, кузнечно-прессовых машин — в 10 раз, тракторов на колесном ходу — в 8,2 раза [27]. Этот ряд можно было бы продолжать далее. Доля машин и оборудования в российском экспорте сократилась более чем в два раза за период с 1995 по 2011 г.

Для преодоления разрыва с развитыми странами России нужна программа индустриализации, сопоставимая по масштабам с той, которая реализовывалась в 1930-е годы, но с иными движущими силами, на другой технологической базе и ориентированная на мировые рынки. (Нечто подобное пытался осуществить Советский Союз в рамках политики ускорения, хотя и крайне неудачно, с катастрофическими последствиями для сбалансированности экономики.) В настоящее время реализация такой программы требует, прежде всего, частных инвестиций, что предполагает целенаправленные усилия правительства по улучшению инвестиционного климата, снижению административных барьеров, повышению эффективности работы государственных структур, т. е. всю совокупность мер, с которой обычно связывают выход из ловушки среднего дохода. Промышленное развитие требует возрождения системы профессионального обучения, реорганизации среднего и высшего профессионального образования.

Для обеспечения долгосрочного роста необходимы масштабные вложения с длительным периодом окупаемости, которые должны осуществлять как государство, так и частный бизнес. Речь идет, прежде всего, об инфраструктуре в широком смысле этого слова.

Так, система поддержки венчурного бизнеса в России формируется с начала 1990-х годов. На сегодняшний день она включает в себя российскую венчурную компанию, региональные венчурные фонды с участием государства в капитале, государственные институты развития, бизнес-инкубаторы, технопарки, ассоциации, Фонд Бортника, государственные корпорации, направленные на реализацию рискованных наукоемких проектов, как, например, Роснано или Фонд «Сколково». Огромные финансовые вливания и организационные усилия пока не дали сколько-нибудь заметной отдачи, но без такого рода инфраструктуры невозможно рассчитывать на вхождение в клуб богатых стран.

Активизация государства в направлении формирования транспортной инфраструктуры безотносительно всех возможностей, которые дает государственно-частное партнерство в привлечении капитала, ведет к масштабным бюджетным расходам. Отдача от такого рода проектов, даже с учетом всех косвенных эффектов, ожидается только в отдаленной перспективе. С учетом проблем ЖКХ, решение которых становится уже неотложной задачей, необходимость модернизации социального комплекса и потребность в низкодоходных, долгосрочных инвестициях возрастают многократно. Еще сложнее выглядит задача повышения качества институтов, обеспечивающих условия для эффективной экономической деятельности. Проблема здесь заключается не только в тех затратах, которые необходимы для реорганизации судебной системы, обеспечения прозрачности государственных закупок, формирования регламентной базы и т. д., но прежде всего в нахождении путей, с помощью которых эти задачи могут быть решены. Кроме того, любые изменения в этой области затрагивают многообразные интересы и требуют, соответственно, политического давления и отказа влиятельных групп от локальных интересов в пользу развития.

4. Конъюнктурные причины изменения тренда экономического роста в посткризисный период

Несмотря на то что перечисленный выше набор проблем должен вести к замедлению роста российской экономики, сегодняшнее ее торможение обусловлено причинами иного порядка и носит скорее тактический, нежели стратегический характер. Как отмечают авторы уже цитировавшегося доклада, резервы роста за счет повышения эффективности использования капитала в России остаются весьма значительными. «При росте совокупной факторной производительности предкризисными темпами на 3% ожидается рост ВВП России на 5 или более процентов в год в ближайшие 8 лет, что очень близко к средним темпам роста в период с 2001 по 2011 годы» [26, с. 11]. Российская экономика сохраняет преимущества, связанные с дешевизной ресурсов, и прежде всего труда, несмотря на взрывообразный рост доходов в предкризисное десятилетие. По данным Р.И. Капелюшникова, при корректном расчете реальных затрат предприятий на рабочую силу, предполагающем дефлирование зарплат через дефлятор ВВП и/или индекс цен производителей, в течение всего десятилетия быстрого роста происходило реальное удешевление удельных расходов предпринимателей на оплату труда. «По нашим подсчетам, с 1997 по 2007 г. удельные издержки на рабочую силу во всей экономике снизились на 16%, а в промышленности — на 26%» [28, с. 78]. В 2010–2011 гг. реальная заработная плата стагнировала, даже если пересчитывать ее в постоянные цены через индекс потребительских цен.

Уровень загрузки производственных мощностей в российской обрабатывающей промышленности уже в 2011 г. приблизился к предкризисному 2008 г. При этом по ряду производств он остается крайне невысоким — от 20% в станкостроении, 40% в автомобилестроении, до 50–60% в легкой и пищевой промышленности. Высокую степень загрузки оборудования демонстрируют отрасли, ориентированные на внешние рынки, — металлургия, угольная и химическая промышленность, деревообработка [29]. Причем именно эти отрасли лидировали в обрабатывающей промышленности по объемам инвестиций в основной капитал в десятилетие быстрого роста. Таким образом, доступность и цена факторов производства в российской экономике остались прежними.

Изменение темпов экономического роста во многом определяется пессимистическими ожиданиями экономических агентов. Крайне важную информацию в этом отношении дают рассчитываемые Росстатом упреждающие индикаторы (рис. 1).

Как видно из приведенного графика, несмотря на то что объемы выпуска в целом по экономике восстановились до предкризисного уровня, в оценках предпринимателями спроса на выпускаемую продукцию по-прежнему преобладает пессимизм. Если на пике подъема менее 40% участников проводимых Росстатом опросов считали сдерживающим фактором для роста производства дефицит спроса, то на сегодня таковых более половины. Безусловно, доля пессимистов сократилась по сравнению с 2009 г., но пока они определяют рынок. Оценка экономической ситуации улучшается более заметными темпами, но ситуация пока не вернулась к нормальному состоянию и остается худшей, чем отмечалось в период до начала спада. Здесь же нужно отметить, что оценки предпринимателями налоговой нагрузки, как ограничителя для деятельности, вернулись к докризисному уровню (рис. 2).

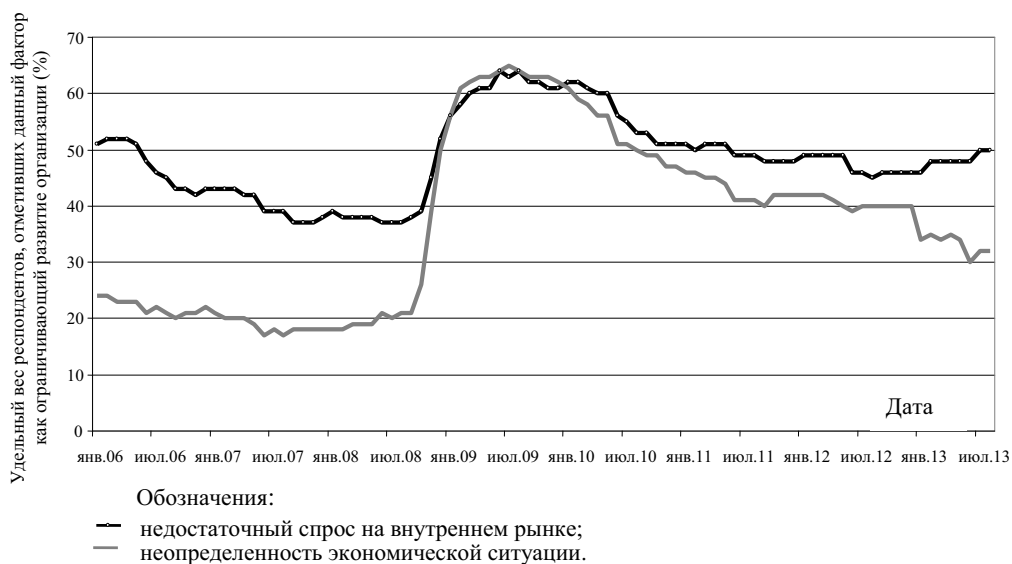

Рис. 1. Динамика факторов, ограничивающих рост производства в обрабатывающей промышленности (индикаторы рыночного спроса и неопределенности ситуации).
Источник: [34].

Рис. 2. Динамика факторов, ограничивающих рост производства в обрабатывающей промышленности (индикаторы загрузки производственных мощностей и дефицита труда).
Источник: [35].

График рис. 2 интересен тем, что он показывает доступность факторов производства. Несмотря на высокие показатели занятости, что позволило российскому министру финансов утверждать о наличии перегрева в экономике, острота проблемы дефицита квалифицированного труда, существовавшая в предкризисный период, заметно спала, в то время как загрузка производственных мощностей приближается к предкризисной. Это можно интерпретировать как потенциальный спрос

обрабатывающей промышленности на инвестиции, который, с одной стороны, сдерживается опасениями неблагоприятного развития конъюнктуры, а с другой — ограничивается доступностью кредита.

Правительство располагает незначительными возможностями воздействовать на предпринимательские настроения. Можно предполагать, что ускорение мировой экономики, и прежде всего тесно связанной с Россией экономики ЕС, повлечет за собой рост оптимистических ожиданий и ускорение роста. Более того, прогнозы по российской экономике корректировались в ожидании выхода европейской экономики из рецессии. Но влиять на эти процессы Россия не может.

Сокращение внутреннего спроса, дефицит которого отмечают предприниматели, идет по всем трем направлениям, которые ранее обеспечивали рост, — инвестиции частного сектора, спрос домохозяйств, государственные закупки. И если текущий пересмотр бюджета и сокращение расходов в соответствии с изменившимися прогнозами по темпам экономического роста оправданы ожиданиями снижения темпов развития национальной экономики и сохранения неблагоприятного внешнего фона, то стремление к поддержанию стабильности цен за счет сжатия денежной массы серьезно ограничивает возможности перехода к инвестиционному росту.

Снижение темпов инфляции вопреки прогнозам финансовых и денежных властей ведет не к росту инвестиционной активности, а к ее снижению. Причиной этого является неэластичность кредитных ставок банковской системы по инфляции. Соответственно, снижение темпов инфляции вызывает рост реальных процентных ставок, на которые ориентируется предприниматель (рис. 3).

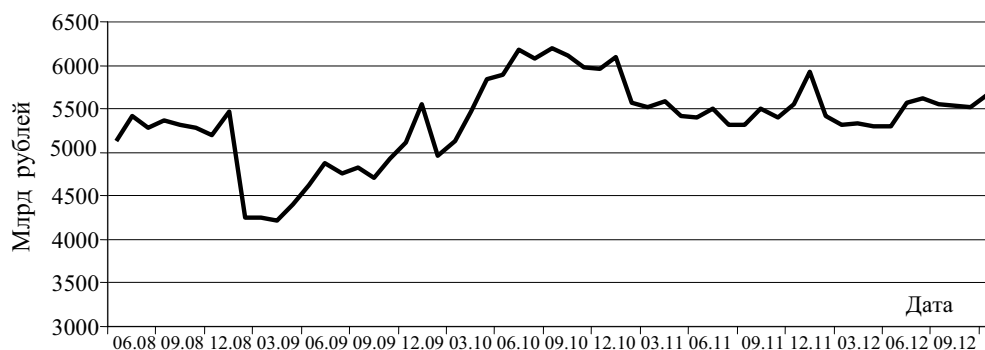

Рис. 3. Денежная база, скорректированная на индекс-дефлятор ВВП в 2008–2011 гг. (млрд рублей). Рассчитано по: [36].

Впервые после 1990-х годов в российской экономике начинает снижаться коэффициент монетизации. С учетом растущих кредитных ставок сжатие денежной массы ведет к ограничению доступности кредита и превращается в серьезный ограничитель экономической активности. В результате текущий рост российской экономики ограничивают не системные проблемы, а тактические решения, связанные с ограничением инфляции за счет денежного сжатия. Инвестиции частного сектора вытесняются в российской экономике растущей задолженностью домохозяйств, готовых соглашаться на процентные ставки, в среднем вдвое превышающие ставки по кредитам для юридических лиц. В известной мере в настоящее время в нашей

экономике повторяется сценарий конца 2008 г., когда кредитное сжатие заставило реальный сектор пересмотреть инвестиционные стратегии и запасы, результатом чего и стало быстрое падение выпуска в начале 2009 г. Процессы, протекающие в настоящее время, не отличаются таким радикализмом и вряд ли способны столкнуть промышленность в глубокую рецессию, но все же ограничивают инвестиционные возможности бизнеса за счет роста реальной процентной ставки.

5. Выводы

1. Отнесение России к странам, попавшим в ловушку среднего дохода, вполне справедливо с точки зрения качественного состояния ее экономики и тех проблем, которые перед ней стоят. Но формальные причины распространения на нее этой модели неправомерны. Действительно, в течение 1999–2008 гг. российские темпы роста заметно превышали среднемировые, и отставание Российской Федерации от развитых стран быстро сокращалось, в то время как в текущий период они резко, почти вдвое, снизились. Однако быстрый рост продолжался до восстановления «предтрансформационных» объемов выпуска, когда, собственно, Советский Союз и прекратил догонять страны Запада по уровню экономического развития. Соответственно, кризис сбил «инерцию роста», позволявшую надеяться на развитие инвестиционного процесса и продолжение сближения с развитыми странами.

2. Несмотря на быстрый экономический рост, российская экономика усугубила структурные проблемы, с существованием которых и связывают остановку в развитии. Благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура позволила быстро восстановить объемы выпуска, увеличить конечные доходы, оживить строительный комплекс, отчасти сельское хозяйство. В то же время высокотехнологичные производства в обрабатывающей промышленности и наука понесли тяжелые потери относительно достигнутого в советский период уровня развития.

3. Выход из ловушки среднего дохода требует стратегических решений и долгосрочных мер по улучшению качества институтов, прежде всего, связанных с государственным участием в экономической жизни. В этом же ряду стоят задачи повышения инвестиционной привлекательности, роста конкурентоспособности обрабатывающих производств на мировом рынке, движения в сторону инновационной экономики.

4. Решение стратегических задач сближения параметров российской экономики с развитыми странами не требует замедления темпов экономического роста. Более того, структурные изменения проще протекают в быстрорастущих экономиках. Соответственно, меры экономической политики, направленные на стимулирование роста, могут способствовать решению долгосрочных структурных проблем.

Литература

1. Росстат. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_01/IssWWW.exe/Stg/d03/3-2.htm (дата обращения: 16.09.2013).
2. *Алексащенко С.* Обвальное падение закончилось, кризис продолжается // Вопросы экономики. 2009. № 5. С. 4–20.
3. *Навой А.* Российские кризисы образца 1998 и 2008 годов: найди 10 отличий // Вопросы экономики. 2009. № 2. С. 24–38.

4. *Рязанов В.Т.* Мировой финансовый кризис и экономика России: точка разворота? // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5: Экономика. 2009. № 1. С. 3–21.
5. *Румянцева С.Ю.* Особенности современной фазы мировой экономической конъюнктуры // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5: Экономика. 2012. № 3. С. 3–20.
6. *Нуреев Р.М.* Россия после кризиса — эффект колеи // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2010. Т. 2, № 2. С. 7–26.
7. *Григорьев Л.* Сценарии развития и экономические институты // Экономическая политика. 2013. № 3. С. 33–60.
8. *Гурвич Е.* Долгосрочные перспективы российской экономики // Экономическая политика. 2013. № 3. С. 7–32.
9. *Jankowska A., Nagengast A. J., Perea J. R.* The Product Space and the Middle Income Trap: Comparing Asian and Latin American Experiences // OECD Development Centre Working Paper. 2012. N 311. URL: http://www.oecd-ilibrary.org/development/the-product-space-and-the-middle-income-trap_5k9909j2587g-en (дата обращения: 16.09.2013).
10. *Zhang L., Yi H., Luo R., Liu Ch., Scott R.* The Human Capital Roots of the Middle Income Trap: The Case of China // Paper Presented at the 2012 IAAE Conference. Brazil, August 18 to 24. URL: <http://purl.umn.edu/131119> (дата обращения: 16.09.2013).
11. *Gerschenkron A.* Economic Backwardness in Historical Perspective: A Book of Essays. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 1962. 456 p.
12. *Eichengreen B., Park D., Shin K.* When Fast Growing Economies Slow Down: International Evidence and Implications for China // Asian Economic Papers. 2012. Vol. 11(1). P. 42–87.
13. *Eichengreen B., Park D., Shin K.* Growth Slowdowns Redux: New Evidence on the Middle-Income Trap // NBER Working Paper. N 18673. January 2013. URL: <http://www.nber.org/papers/w18673> (дата обращения: 16.09.2013).
14. *Aiyar Sh., Duval R., Puy D., Wu Y., Zhang L.* Growth Slowdowns and the Middle-Income Trap // IMF Working Paper 13/71/ March 2013. P. 1–64. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2013/wp1371.pdf> (дата обращения: 16.09.2013).
15. World Bank. URL: <http://go.worldbank.org/Q08GIVEDK0> (дата обращения: 16.09.2013).
16. *Felipe J., Abdon A., Kumar U.* Tracking the Middle-Income Trap: What is It, Who is in It, and Why? // Levy Economics Institute of Bard College. Working Paper. N 715. April 2012. URL: http://www.levyinstitute.org/pubs/wp_715.pdf (дата обращения: 16.09.2013).
17. *Rodrik D.* Do Low-Income Countries have a High-Wage Option? // NBER Working Papers. 1993. N 4451.
18. *Tran V. T.* The Middle-Income Trap: Issues for Members of the Association of Southeast Asian Nations. ADBI Working Paper. N 421. 2013. Tokyo: Asian Development Bank Institute. URL: <http://www.adbi.org/working-paper/2013/05/16/5667.middle.income.trap.issues.asean> (дата обращения: 16.09.2013).
19. *Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A.* Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth // Handbook of Economic Growth / eds Aghion P., Durlauf S. N. Elsevier, 2005. Vol. 1, Part 1. P. 385–472.
20. *Acemoglu D., Robinson J. A.* The Role of Institutions in Growth and Development // Review of Economics and Institutions. 2010. Vol. 1, N 2. P. 1–33.
21. *Gill I., Kharas H.* An East Asian Renaissance: Ideas for Economic Growth. World Bank, Washington DC, 2007.
22. URL: <http://ideas.repec.org> (дата обращения: 16.09.2013).
23. *Ellyatt H.* BRIC Powerhouses Risk «Middle-Income Growth Trap». CNBC3. Jun. 2013. URL: <http://www.cnbc.com/id/100783568> (дата обращения: 16.09.2013).
24. *Журавлев С., Ивантер А.* В ловушке среднего дохода // Эксперт. 2013. № 2. А(834).
25. *Чакаров И.* Россия как Греция // Ведомости. 2013. 22 мая.
26. IMF Российская Федерация. Документ по отдельным вопросам. Доклад МВФ по стране №12/218. Август 2012 г. URL: <http://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/scr/2012/cr12218r.pdf>. с.7 (дата обращения: 16.09.2013).
27. Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/natura/god.htm (дата обращения: 16.09.2013).
28. *Капелюшников Р.* Производительность труда и стоимость рабочей силы: как рождаются статистические иллюзии // Вопросы экономики. 2009. № 4. С. 59–79.
29. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/moch.htm (дата обращения: 16.09.2013).
30. Мировой банк. URL: <http://databank.worldbank.org/data/views/reports/tableview.aspx> (дата обращения: 16.09.2013).
31. Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab3.xls (дата обращения: 16.09.2013).

32. Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab25/xls; http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab25a/xls (дата обращения: 16.09.2013).

33. Российский статистический ежегодник-2000: Стат. сб. Госкомстат России. М., 2001.

34. Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/oper_ind/ApromCDE.xls (дата обращения: 16.09.2013).

35. Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/oper_ind/ApromCDE.xls (дата обращения: 16.10.2013).

36. Банк России. URL: http://www.cbr.ru/statistics/?Prtid=cdps_46782 Росстат http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab13a.xls (дата обращения: 16.09.2013).

Статья поступила в редакцию 30 сентября 2013 г.